

I. Preface.

Aspiring to keep and develop the best university traditions, the Chair of the Modern and Current History of the Department of History of the St.-Petersburg State University has made a decision to start to carry out the regular edition of The Works.

It is supposed that they will be annually published, and to include not only the certain results scientific researches of the Chair of the Modern and Current History, and also post-graduate students and students who on it are trained, that, actually, is traditionally for any similar collection, but also will acquaint readers with many parties of a life of our collective. Last circumstance has caused occurrence of such headings as The Historical anthology, Reviews, The chronicle. The editorial board hopes, that it will help with enough full measure to present that variety which distinguishes a life of university faculty from activity of other research centers.

At acquisition of a scientific component of the first release of the collection especially it has been paid attention to inclusion in it first of all articles and notes which would reflect various directions in a research activity of the Chair. Therefore at the collection there are the materials, concerning history of the concrete countries and regions of the West. In particular, questions concerning to problems of genesis, evolution, discursual and political practices in multinational communities of the Western, Central and Northern Europe, and also America during modern and current history.

It is supposed to involve in participation in the collection not only those who to work or study on faculty, but all those who in any form cooperates with it.

II. Научные статьи

В. Н. Борисенко, В. А. Ушаков

Британские лорды и колонизация Северной Америки в XVII веке.

Сравнительно недавно американисты в России (СССР) полагали, что высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина наиболее полно и верно характеризуют ход и важнейшие события истории США. Поэтому положения основоположников марксизма, согласно которым европейцы мигрировали в Северную Америку «с целью учредить чисто буржуазное общество» и история этого региона начиналась «при наличии уже сложившихся в начале XVII в. элементов современного буржуазного общества» /1/ часто повторялись в работах советских авторов. Такая абсолютизация вырванных из текста фраз, придание им директивного характера даже при условии, что в высказываниях основоположников содержится доля истины, и их оценки выглядят оправданными в изначальном тексте, вряд ли служит полному и точному воссозданию картины освоения Северной Америки выходцами с Британских островов. Поскольку известно, что колонии в Новом Свете основывались представителями разных слоев общества и на неизведанные земли направлялись как бедные поселенцы, так и вполне состоятельные и даже богатые и знатные господа. Владения Великобритании в Северной Америке создавались с разными целями и по статусу и системе правления они делились на колонии: королевские (коронные), корпоративные (в соответствии с хартией основанные и управляемые коллективными учредителями - торговыми компаниями или религиозными объединениями) и собственные - то есть пожалованные короной в виде земельного гранта конкретному владельцу или владельцам /2/.

Первой собственной колонией на североамериканском континенте стал Мэриленд. В 1632 г. королем Карлом I

Стюартом эти земли были пожалованы Джорджу Калверту, лорду Балтимору. С освоением Америки английский аристократ связывал планы личного обогащения, он собирался превратить новую колонию в прибежище для своих единомышленников-католиков. После внезапной смерти Джорджа колониальная хартия перешла к его сыну Сесилиусу - второму барону Балтимору. Документ интересен тем, что в нем нашли отражение и стремление короля и его сторонников к утверждению абсолютистских норм правления и происходивший в то время в Англии переход к экономическому укладу, основанному на частном предпринимательстве. Сказывалось это и на положениях хартии, определявших принципы управления колонией /3/.

Хартия от 30 июня 1632 г. стала основой для создания органов власти в Мэриленде. Согласно определению американского историка Ч. Эндрюса, лорд Балтимор в пределах пожалованных ему владений «конечно, не стал королем, но он был абсолютным властелином, располагавшим полным контролем над администрацией, обороной и денежными делами его провинции» /4/. Ряд содержащихся в хартии условий позволяет сделать вывод о том, что Мэриленд был пожалован его владельцу как феодал, то есть держание от короны «с присягой на верность... на все виды Службы» монарху. С Калверт и его наследники объявлялись «законными и абсолютными Лордами и Владельцами Края и другой собственности» во всех делах, «кроме касающихся вопросов Веры, Преданности и Суверенной Власти, надлежащих» только английскому королю. Бароны Балтиморы обязывались «ежегодно во вторник Пасхальной недели доставлять в Виндзорский замок» «две индейские стрелы из этих районов, а также одну пятую часть золотой и серебряной руды, которая будет обнаружена» на землях Мэриленда. В пределах колонии лорды Балтиморы «на суше, на островах и на море» наделялись «всеми правами, юрисдикциями, преимуществами... привилегиями и иммунитетами», которыми «обладал, пользовался и осуществлял любой епископ Дарем» в палатинате Дарем

на севере Англии. Балтиморы обязывались содержать в колонии вооруженные отряды и военные суда, а также нести другие обязанности /5/.

Собственники Мэриленда и его потомки получали не только землю, но и власть над ее будущими обитателями. Последние объявлялись «преданными подданными» монарха, а «названная провинция» считалась «в вассальной зависимости от нас (Короля. - *Авт.*)». Лорды Балтиморы наделялись правом назначать своих чиновников и при соблюдении английского законодательства и судебной практики учреждать свои суды, которые могли выносить приговоры о взыскании штрафов, о тюремном заключении и других наказаниях, а при необходимости и о лишении подсудимого имущества, «конечности или жизни». Балтиморы получали важные «права... закреплять, отчуждать, дарить, завещать или давать в лен части и доли собственности лицу или лицам, желающим их приобрести или получить...» Имелась в виду недвижимость и участки земли, которые собственник колонии мог передавать «в безусловное право собственности или в ограниченное в порядке наследования и отчуждения право собственности или в пожизненное пользование или многолетнее пользование...» (здесь просматривается частичная уступка частнособственническим рыночным отношениям). И в то же время хартия как бы платила дань уходящей эпохе. Барону Балтимору и его наследникам король «передавал и жаловал... полномочия создавать на любом участке земли в пределах указанной Провинции Маноры и в каждом из тех Маноров назначать Барона с правом Суда во всех вопросах Суду Барона подсудных...» Такое правосудие предполагалось осуществлять и лично лордом учреждаемого манора, так и через его управляющих или других представителей /6/. Иначе говоря, хартия 1632 г. содержала положения, нацеленные на воссоздание на американских землях старой иерархии, старого общества.

Тому же результату могли способствовать и широкие экономические права Балтиморов. Им передавалось право на введение и сбор налогов, субсидий, портовых и прочих сборов и

пошлин, «размер которых будут устанавливать по своему усмотрению они сами». В руки Балтиморам были отданы судоходство и рыболовство, ведение лесного хозяйства и добыча полезных ископаемых, и эти права они могли передавать или продавать другим лицам. В целом «Балтимор, истинный лорд и владелец этой провинции», и его наследники «для лучшего управления» ею получали «неограниченную, полную и абсолютную власть... издавать, устанавливать и вводить законы любого рода по своему благоразумному усмотрению, касающиеся как общественных дел, так и отдельных лиц...» «Пожелание» короля лорд-дособственнику управлять колонией, советуясь с ее «фрименами», большей их частью или депутатами, «созывая их для составления законов по мере необходимости», было высказано весьма в обтекаемой и неконкретной форме. Единственное требование к законотворческой деятельности в колонии, которую Балтиморы должны были бы осуществлять в согласии с «фрименами» и их депутатами либо единолично, заключалось в том, что колониальные постановления должны были соответствовать нормам английского законодательства и права. Еще одна статья той же хартии уполномочивала Балтиморов при возникновении «непредвиденных обстоятельств и затруднений... время от времени принимать и издавать благоразумные указы... для обеспечения мира... [и] эффективного управления» в провинции /7/. В последующем ход дел в Мэриленде, в частности, начало работы законодательной власти - Генеральной ассамблеи в 1636 - 1637 гг. и развитие революционных событий в Англии не позволили Балтиморам «злоупотреблять» дарованными им полномочиями, но попытки укрепить свое положение и власть лорды предпринимали неоднократно /8/.

Необходимо признать, что семейство Балтиморов и первый собственник Мэриленда - лорд Сесилиус уделяли особое внимание исполнительной власти. Именно с формирования этой ветви началось обустройство колонии и руководство ее делами. Еще до того, как первые переселенцы отплыли из Англии на земли Балтимора в Америку, тот назначил губернатора колонии,

ее секретаря и землемера. Леонард Калвет, брат лорда-собственника, стал губернатором Мэриленда. В свою очередь, тесно связанные с губернатором Дж. Холи и Т. Корнуоллис были назначены двумя «уполномоченными» (советниками) и составили зародыш будущего совета колонии. Еще в Англии формировались управленческие структуры, кадры которых с самого начала подбирались с учетом родственных или тесных деловых отношений с семейством Калвертов. Это принципиальное стремление - обеспечить значительное присутствие, если не засилье, на ключевых постах в органах власти родственников, ставленников, союзников и единомышленников - отличало и последующее политико-государственное развитие Мэриленда /9/.

По замыслам Балтимора губернатор должен был играть ключевую роль в управлении колонией. Поэтому лорд-собственник обычно из числа своих родственников назначал губернатора и в любое время мог заменить его на новое лицо по своему выбору. В отсутствие лорда в Мэриленде губернатор выступал как его полномочный представитель и заместитель, располагавший «всей полнотой исполнительной власти в условиях мира или войны». Часто губернатора называли «генерал-лейтенантом», в этом качестве и как адмирал, «главный капитан и командир», он выступал командующим милицией и укреплениями колонии, всеми вооруженными силами на суше и на море. Губернатор на территории колонии располагал властью «канцлера» и курировал делопроизводство; организацию выборов и вызова повестками важных лиц; выдачу патентов, грантов, лицензий, касавшихся имущественных и территориальных вопросов, назначений на должности и так далее; ведение множества других общественно значимых дел. Губернатор располагал правом вето на законодательные решения ассамблеи, его согласие требовалось для введения в силу уже принятого законодательства. На губернатора возлагалась организация подготовки материалов, предложений и проектов для ассамблеи. От имени лорда-собственника губернатор издавал «ордонансы, эдикты и прокламации», он также публиковал принятые законы. Губерна-

тор - главный администратор и магистрат - производил назначения и смещение должностных лиц и руководил всеми подразделениями и должностными лицами исполнительной ветви власти. Он же выступал и как Верховный судья Мэриленда и в этом качестве мог руководить колониальными судами и выносить помилования за любые правонарушения и преступления, кроме случаев измены /10/.

По признанию российских американистов, в Мэриленде губернатор был наделен «по существу неограниченной властью. Она распространялась на военную, дипломатическую, административную, политическую, экономическую, и судебную сферы». Учитывая родственные отношения, можно считать с уверенностью, что губернатор «как бы воплощал собою в Мэриленде лорда Балтимора», «единственного властелина» колонии. А лорд-собственник, согласно принятой в период разгула абсолютистских устремлений хартии короля Карла I, «обладал на этой территории всеми правами средневекового феодального государя: политической властью над населением своих владений, а также судебной и военной властью». Он «становился феодальным собственником всей земли, а единственным законным титулом владения землей в колонии - феодальное держание от лорда-собственника» /11/. Таким образом изначально были заложены условия в политической, государственной области, которые предопределяли судьбу Мэриленда как анклава средневековой, полуфеодальной Европы в Новом Свете. Основанный лордом и королем как «очаг феодализма», Мэриленд к середине XVII в. в своем развитии существенно отклонился от первоначально заданного курса /12/. Векня революции в Англии и борьба колонистов за свои интересы и права, в том числе и их противодействие принятию навязываемых лордом-собственником законов и порядков, создание представительного органа, его достаточно независимые действия и законодательная работа, иные факторы и обстоятельства - не позволили реализовать многие намерения и планы лордов Балтиморов и их представителей в Америке.

Среди таких факторов, как видим, определенное место занимала деятельность управленческих структур, отдельных органов власти. Депутаты-законодатели в своей сфере подтачивали близкую к абсолютной власть семьи Калвертов (Балтиморов), тормозили превращение Мэриленда в удельное феодальное владение, направляли его движение на общий путь, по которому развивались (каждая по-своему) и другие колонии Британии на континенте в первой половине - середине XVII в. В чем-то аналогичную картину можно наблюдать и при формировании еще одной ветви власти - судебной. Первоначально, согласно королевской хартии, предполагалось, что лорд-собственник будет обладать полнотой судебной власти на колонизируемых территориях. Согласно инструкции Балтимора, его полномочный представитель - губернатор колонии - выступал как ее верховный судья с широкими полномочиями. Мэриленд предполагали превратить в эту страну поместий-маноров /13/. Их хозяева - крупные землевладельцы находились бы в вассальной зависимости и в свою очередь выступали бы по отношению к населению маноров как сеньоры со всеми вытекавшими из этого правами, включая и право на расследование, суд и наказание виновных. Формально устанавливалась система судов маноров. Но реальное развитие оказалось иным. Сеньориальные права владельца манора, в том числе «суд барона», присутствовали «главным образом в терминологии». В масштабах колонии восторжествовали не суды сеньоров, а усилиями и под давлением ее населения была создана судебная система, состоявшая из нескольких уровней. Входившие в нее судебные органы имели свою юрисдикцию, определенные формы соподчинения и представляли более действенную и современную (для XVII в.) организацию одной из ветвей государственной власти на значительной территории /14/.

В Мэриленде властные структуры и практика управления к середине XVII в. развивались под воздействием внутреннего фактора: противостояния режима лорда-собственника и значительной части населения колонии, и под воздействием внешних

обстоятельств - прежде всего, веяний из Британии. События английской революции вели к смягчению, изменению внутреннего строя колонии, восприятию и краткой реализации Мэрилендцами некоторых более либеральных, чем в арсенале Балтиморов, принципов и положений. Как и в соседней Виргинии, в Мэриленде наблюдалась тенденция к формированию более широкого слоя местной элиты, верхов, претендовавших на все большую долю участия в управлении обществом, колонией. В феврале - марте 1660 г. даже была предпринята попытка низвергнуть власть Балтимора и объявить Генеральную ассамблею «независимой от какой-либо власти... в провинции» и «высшим органом власти». Однако последовавшая в том же году реставрация династии Стюартов в метрополии отразилась и на положении дел и дальнейшей эволюции политико-государственной системы колонии. Лорд-собственник «взял реванш», и «Мэриленд между 1660 и 1690 г. управлялся фамильной кликой» Балтиморов /15/.

Сходная ситуация после 1660 г. прослеживалась и на других американских территориях. Реставрация династии Стюартов вела к переменам в колониальной политике, направленной уже на ужесточение системы контроля за британскими владениями и на ограничение самоуправления их населения. При послереволюционных Стюартах колонизация Северной Америки всё более велась в интересах близких ко двору кругов (фаворитов короля) и представителей «старого» крупноземельного дворянства. Во главе их стоял герцог Йоркский (будущий король Яков II) и именно эти силы и стремились насадить на новом континенте соответствующие порядки, получить привилегии, прерогативы и «атрибуты старых феодальных владетелей» для извлечения с их помощью на колонизируемых землях «наибольшей прибыли при наименьших вложениях капитала» /16/. И если в первой половине XVII в. британские поселения и колонии за океаном учреждались в основном торговыми компаниями и религиозными сообществами, со времён короля Карла II Стюарта именно представители аристократии стали получать там

огромные земельные пожалования и заводить порядки по своему усмотрению. Так, под патронажем и при участии аристократии появились пять колоний: Каролина, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и Делавэр. Очевидно, что названные обстоятельства в какой-то мере корректируют суждения и оценки основоположников марксизма, которыми столь безапелляционно и без разбора оперировали многие советские историки-американисты.

1. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39. С. 128. Маркс К., Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952. С. 6.
2. Подробнее см.: Словарь американской истории. С колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1977. С.277 - 278.
3. Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630 - 1642. М., 1980. С. 265 - 266, 268 - 271, 275 - 278; Steiner B. C. Beginning of Maryland. 1631 - 1639. Baltimore, 1903. P. 13 - 21; Osgood H. L. The American Colonies in the Seventeenth Century. Glouchester, 1957. Vol. 1 - 3. Vol. 2. P. 4 - 9, etc.
4. Andrews Ch. M. The Colonial Period of American History. New Haven, 1970. Vol. 1 - 4. Vol. 2. P. 280, 282.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Бурин С. Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального юга США (1642 - 1763 гг.). М., 1980. С. 39; Sparks F.E. Causes of the Maryland Revolution of 1689. Baltimore, 1896. P.10 - 12, 14 - 15, 27, etc.
9. Osgood H. L. Op. cit. P. 60 - 61, 71 - 72; Andrews Ch. M. Op. cit. P. 376 - 378.
10. Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1642 - 1660. М., 1989. С. 158; Osgood H. L. Op. cit. P. 61; Sparks F. E. Op. cit. P. 12 - 14.
11. Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630 - 1642. С. 293; Бурин С. Н. Указ.

- соч. С. 23 - 24; Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. М., 1963. С. 68 - 70.
12. Слѣзкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1642 - 1660. С. 335.
 13. Самойло А. С. Указ. соч. С. 68 - 73, 251 - 255, др.; Johnson J. H. Old Maryland Manors. Baltimore, 1883.
 14. Слѣзкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1642 - 1660. С. 161; См. также: Osgood H. L. Op. cit. Vol. 2. P. 281; Wilhelm L. W. Maryland Local Institutions. Baltimore, 1885. P. 38 - 62.
 15. Слѣзкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1642 - 1660. С. 327 - 335; Osgood H. L. Op. cit. Vol. 2. P. 86 - 88.
 16. Самойло А. С. Указ. соч. С. 174 - 175; См. также: Бурова И. И. Две тысячи лет истории Англии. СПб., 2001. С. 332 - 333, 352 - 355.

Уильям Шелборн в событиях политического кризиса начала 1780-х гг. в Англии.

В отсутствие чётко сформированных партий большое значение в английской политике XVIII в. играли личности. Этот тезис особенно актуален для первого периода правления Георга III. 1760 - 1783 гг. стали свидетелями деятельности многих видных политиков: Питта-старшего, лорда Бьюта, Джорджа Гренвилла, маркиза Рокингема, герцога Графтона, лорда Норта. Но по справедливому замечанию Люси Сазерленд: “Из всех ми-нистров в первые 20 лет правления Георга III Шелборн остаётся самым загадочным”/1/. Уильям Петти, граф Шелборн, чей пик политической карьеры пришёлся на переходное время кризиса начала 1780-х гг., во многом был незаслуженно забыт в историографии, и часто упоминается только в общем контексте, между тем его роль трудно переоценить. Поэтому, данная статья посвящена политической деятельности лорда Шелборна в событиях начала 1780-х гг. и имеет цель максимально объективно показать его роль в них.

Уильям Петти, будущий граф Шелборн родился 2 мая 1737 г. в Дублине, став первым из пяти детей в семье Джона Петти, графа Шелборна, и Мэри Фитцморис Галланской. Четыре первых года жизни Уильям провёл в отдалённой части Ирландии, где его воспитателем был дедушка Томас Фитцморис, граф Керри /2/. В отличие от большинства ведущих политических деятелей XVIII в., Уильям получил образование не в престижной, а обычной школе, и занимался с гувернёром до 1755 г., когда поступил в Оксфорд, который окончил в 1757 г. без учёной степени. Тогда же его отец купил патент на офицерский чин в 20-й гвардейский пехотный полк, служа в котором Уильям даже отличился в битве при Миндене в ходе Семилетней войны. В 1760 г., всё ещё находясь на действительной воинской службе, Уильям был избран в палату общин